

*Я хочу сказать спасибо своим любимым —
моей Джилл и нашим детям,
Тэрин и Тимоти, Джону и Сиа.*

*Я также выражаю благодарность
моему другу и агенту Лиз Харрисон,
моему опытному редактору Дженнифер Браун
и всем членам Общества Юнга в Вашингтоне,
округ Колумбия.*

*И моим верным друзьям,
в том порядке, в котором они
встретились в моей жизни:
Кенту, Карлу, Стивену, Трэвису, Шону,
Мартину и Ллойд.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	11
Глава 1. Когда прежние карты исчезают	15
Глава 2. Жизнь между мирами.....	25
Глава 3. Что такое глубинная психология и почему она так важна?.....	41
Глава 4. Три основных принципа глубинной психологии.....	61
Глава 5. Антигона, Гамлет и Пруфрок: Иллюстрации к поискам внутренней устойчивости.....	95
Глава 6. Что есть исцеление?	121
Глава 7. Девушка без рук: Психомифические размышления о женском и мужском роде.....	137
Глава 8. Как выжить во времена перемен.....	145
Глава 9. Путеводитель по смыслу: Чему мы можем научиться у Юнга.....	165
Послесловие. Возвращение домой.....	195
Примечания	201
Библиография.....	205
Предметный указатель.....	207
Об авторе.....	215

Детство — единственный миг, когда мы смотрим
на мир. Все остальное — лишь воспоминание.

Луиза Глюк

Вы никогда не станете завершёнными, и так
должно быть. Одна сокровищница за другой будут
открываться внутри вас бесконечно. Не бойтесь
быть живым существом — гордитесь этим.

Тумас Транстрёмер

Каждую минуту вы должны стремиться избавиться
от той жизни, которую запланировали для
себя, чтобы получить ту, которая действительно
предназначена для вас.

Джозеф Кэмпбелл

Если мы определяем религию как состояние
предельной заботы, то мы должны сказать, что
человек в наше время утратил такую предельную
заботу. И возрождение религии есть не что
иное, как отчаянная и по большей части тщетная
попытка вернуть утраченное.

Пауль Тиллих

Я покорила мир,
но, как забытый всеми
первооткрыватель,
я потеряла
свою карту.

Энн Секстон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Н и для кого не секрет, что мы живем в непростые времена. Люди большинства эпох — разных стран и разных религий — считали так же, ведь, безусловно, многие из нас рано или поздно сталкиваются с трудностями. Зачастую наши ожидания от жизни, от других, от самих себя идут вразрез с действительностью. Часто то, что когда-то представлялось нам логичным, теперь кажется неуместным, то, на что мы всегда рассчитывали, сегодня выглядит расплывчатым и неопределенным. Я наблюдал эту закономерность на протяжении всей истории человечества, я вижу ее в повседневных новостях, в стенах консультационной практики. Вот почему представляется важным взглянуть как с точки зрения культурного, так и с точки зрения личностного развития на то, что происходит с нами в эти периоды межвременья, когда наши старые ориентиры и карты размываются, а то и исчезают вовсе.

В одних главах данной книги вы найдете более подробное определение *межвременья*, а также детальное описание того, как принципы и методы глубинной психологии способны помочь нам на пути к жизни, преисполненной человеческого достоинства и смысла. В других вы познакомитесь с природой исцеления и некоторыми идеями основателя аналитиче-

ской психологии Карла Юнга. В третьих исследуете ориентиры, которые оставил для нас фольклор, писатели-классики и западная литература. Хотя я должен придерживаться простого и понятного языка, темы в книге будут переплетаться между собой, поскольку все они являются неотъемлемой частью трехмерного опыта человеческого бытия. Всегда не просто представить земной шар на плоском листе бумаги, но я сделаю все возможное, чтобы передать вам те навыки картографии, которые я приобрел на протяжении своей жизни.

Популярная теология и популярная психология не всегда способны выдержать удар современных вызовов, в то время как электронные игрушки, призванные отвлекать на себя наше внимание, лишь приближают час нашей расплаты. В 1840-х годах датский философ Серен Кьеркегор выразил убеждение, что можно предвидеть конец своей эпохи, но не избежать его. Вот где, я думаю, мы с вами оказались — не на пороге новой эры, а на грани нового варварства. Потребуется вся решимость и мужество, которые мы только можем призвать, чтобы сохранить наши ценности перед лицом того, что рождается из наших собственных решений в эти переходные времена. Что представляют собой эти ценности? И где мы находим силы и упорство, чтобы идти вперед, когда все вокруг ставится под сомнение?

Некоторые читатели не любят мои книги за то, что они слишком мрачные, мало говорят о счастье и практически никогда не упоминают о радости. На это я отвечаю, что существует масса книг, которые делают это, зачастую параллельно давая несбыточные обещания. Если бы эти книги помогали добиться всего того, о чем в них написано, я бы давно встал за ними в очередь следом за вами. Счастье и радость — замечательные вещи, но их природа контекстуальна и преходяща, их нельзя заставить появиться усилием воли. Я был счастлив, когда родилась моя дочь Тэрин, но это было счастье, смешанное с беспокойством о том, как сложится ее жизнь в этом мире и смогу ли я защитить ее или стать достаточно хорошим отцом. Я по-прежнему беспокоюсь о ней, хотя она уже разменяла полвека жизни и способна прекрасно заботиться

о себе. Также я испытал огромную радость, когда «Иглз» обыграли «Патриотов» в Суперкубке, и это было всего несколько сезонов назад — а кажется, прошла уже целая вечность.

Счастье и радость не нуждаются в том, чтобы о них писали или говорили в книгах: они позаботятся о себе сами, без нашей лишней суеты. Счастье — это побочный продукт правильно выстроенных отношений между нами и нашей душой в каждый данный момент жизни. Оно может проявиться в самых разных местах и в самые неожиданные моменты, но его нельзя заставить появиться по желанию. Я бы предпочел поговорить о реальности нашей повседневной жизни, о грузе истории — как личной, так и политической, — от которого, как мне кажется, мы никогда не сможем избавиться; и о том, насколько сложно жить честной, достойной и настоящей жизнью, к которой все мы, на мой взгляд, должны стремиться.

В этой книге также не будет упрощенных историй, которые обычно используют для маскировки сложных вопросов. Я приведу реальные примеры из жизни реальных людей, взяв из них то, что поможет нам в нашей жизни. Если по каким-то причинам вы недовольны тем, как складывается ваша жизнь, возможно, вам следует разобраться в том, каким «идеям» она служит, оценить, являются ли они осознанными или бессознательными, а затем попытаться отыскать другие, лучшие идеи. С этой целью я расскажу о бессознательных, даже загадочных идеях, которым мы служим ежедневно, — универсальных темах, мотивах и скрытых планах, управляющих нашей жизнью. Понимание данных идей — это единственный способ бросить им вызов и вернуться на путь нашей души.

В этом мы с вами заодно. Я многому научился у вас и надеюсь, что некоторые мысли и идеи данной книги станут для вас полезными. И все, что мы можем сейчас сделать, — это приложить все возможные усилия, чтобы составить наши собственные карты и попытаться время от времени помогать друг другу.

ДЖЕЙМС ХОЛЛИС

Вашингтон, округ Колумбия, 2019

1

Когда прежние карты исчезают

И, наблюдая за падением божеств,
Остался человек лишь Вечности предан.
В тоске по дому на Земле, бездомный на века
Уже задолго до того, как умер Пан.

Эдвин Маркхэм, «Предрассветная песнь»

Любая трансформация в качестве своего
неизменного условия требует «конца света» —
крушения прежней философии жизни.

К. Г. Юнг

Более двух тысячелетий назад по средиземноморским
странам, посеяв панику, разнесся ужасающий слух.
Слух? Умер бог Пан!

Хотя я понимаю, что это прискорбное событие ускользнуло
от вашего внимания и еще не успело встревожить вас, могу
заверить, что его смерть сыграла огромную роль в вашей
жизни. Потеря его живой энергии имеет прямое отношение
к бедам сегодняшнего дня. Зачастую в потоке человеческих
дел, который мы считаем «историей», и в потоке личной
жизни, который мы называем «кризисом», доминирующие

ценности, преобладающие энергии и ключевые метафоры приходят в упадок и теряют свою силу. Что-то умирает, следует своим путем. Разбухнув и отяжелев, оно обрушивается, ища себе замену. И тогда наступает сложный период межвременья. Все, что мы знали раньше, все, что считали для себя понятным, что воспринимали за надежную карту нашего мира, вдруг начинает подводить нас.

Пан когда-то управлял нашими кораблями, прокладывал наши курсы, разжигал наши костры; он был сексуальностью, всепроникающим желанием, самой жизненной природой нашего существа, которая ищет свое выражение в каждом из нас и отрицание которой привело к болезням, неврозам и неизбежному изобретению паллиативной психотерапии и фармакологии. Учитывая, что природа и наше эго не приемлют вакуум, пустующее место Пана заняла теология, мораль и величественные институты. Какими бы благородными ни были их намерения, эти суррогатные боги нанесли нам серьезную рану, отделив нас от наших естественных стремлений и побуждений. Как заметил Юнг, в конечном итоге все наши проблемы проистекают из одного источника — нашей разобщенности с собственными инстинктами. Как добавил Фридрих Ницше, человек — это «больное животное». Наши прежние суррогатные боги бросили нас, не приведя никого себе на смену. Мы снова оказались между мирами.

За сорок лет моей психоаналитической практики я нахожу этот основополагающий паттерн присущим для всех своих клиентов из абсолютно разных слоев общества, с различными эмоциональными симптомами и жизненными историями. Что-то внутри них ушло — что-то закончилось, отыграло свою роль, истощилось и даже умерло. А некое «вот-вот» находится еще где-то за горизонтом, еще даже невидимое, возможно, даже не родившееся.

Многие ли сделали в жизни то, что «должны были сделать»? И что хорошего из этого получилось? Конечно, мы могли этим заслужить похвалу со стороны наших родителей,

повышение по работе или одобрение от самоизбранного круга вымышленных друзей, что будят нас в три часа утра, стоя возле нашей кровати и пугая до смерти. Но что порождает эти тревожные сны? Почему, сделав «правильные вещи», мы чувствуем тоску, апатию, даже подавленность, без какой-либо искры или надежды в душе? И сколько из нас сделали после этого глупый выбор, отчаянно стремясь оживить свое существование, увлекаемые, как выразился Мэтью Арнольд в своем стихотворении «*Погребенная жизнь*», «жаждой растратить свой огонь и неутомимую силу»¹?

Когда я размышляю об этом, в голове возникает старый и уже знакомый паттерн. Его выявление помогло мне лучше определять для себя страдания, внутреннюю борьбу и устремления людей. Этот паттерн нередко называют *переходом*. Переход наступает в тот момент, когда что-то является уже истощенным, утраченным, ушедшим безвозвратно, не имеющим для себя видимой замены. Любому переходу предшествует смерть чего-то: наивности, старых планов, ожидания, стратегии, истории и так далее. И то, что должно прийти на смену, еще недоступно, неощутимо, по крайней мере, не осознано. Иногда переходы бывают резкими, а ощущения межвременья проходящими. Иногда это самое трудное промежуточное состояние растягивается на годы. Однако и в том, и в другом случае прослеживается одна четкая закономерность: наша природа развивается путем смерти. Как еще может что-то появиться и прорасти внутри нас, не очистив себе место от старого? И та же самая природа всегда стремится к следующей ступени в служении своим целям, вопреки нашему комфорту и за рамками нашего контроля.

Однако тех, кто справляется с переходами, они приводят к чему-то большему. Я начинаю ценить мудрость высказывания Райнера-Марии Рильке о том, что «цель жизни с каждым новым разом все большей силе уступать»². Когда человек противостоит чему-то большему, чем собственное эго, он выходит из статического состояния и погружается

в процесс развития, он вынужден расти, вопреки стремлению к легкости, предсказуемости и контролю.

Большая часть из нас, если задуматься, вырастает из наших травм, наших разочарований, наших поражений. Да, мы можем сделать эти переживания неотъемлемой частью собственного образа и использовать их для самобичевания, лишь бы остаться в прежних, привычных условиях. С другой стороны, мы можем пройти сквозь них — возможно, даже переступив через них — навстречу той жизни, которая ищет в нас свое выражение, а не той, которую мы для себя запланировали.

В своих *«Письмах к молодому поэту»* все тот же Рильке пишет о той двойственности чувств, которую мы испытываем в эти моменты неопределенности, в самые темные часы для нашей души:

«Вы не должны бояться, если на вашем пути встает печаль, такая большая, какой вы еще никогда не видели; если тревога, как свет или тень облака, заполняет собой ваши руки и все ваши дела. Вы должны помнить, что в вас что-то происходит, что жизнь не позабыла вас, что вы в ее руках и она вас не покинет. Почему же вы хотите исключить любую тревогу, любое горе, любую грусть из вашей жизни, если до конца не знаете, как все это изменяет вас?»³

ДЕЖАВЮ СНОВА И СНОВА

Природа не заботится о нашем комфорте и не спрашивает нашего мнения, хотя, похоже, она заинтересована в стремительной цикличности процессов. Мы можем наблюдать эту модель рождения, процветания, истощения, заката и упадка на протяжении всей истории, включая нашу собствен-

ную. Динамика природы — цикл рождения-развития-смерти — находит свое проявление в каждой из наших жизней. Многие чуткие мыслители XIX века не смогли не ощутить, как твердая теологическая, метафизическая, моральная почва буквально уходит у них из-под ног. Переведя на английский язык *Das Leben Jesu* («Жизнь Иисуса»), образец современной критической мысли, подорвавшей традиционные представления и основы веры, писательница-романистка Джордж Элиот, отметила, что из трех источников вдохновения прошлого — Бог, Бессмертие и Долг — лишь третий продолжал оставаться убедительным по своей силе, в то время как первые два утратили свою правдоподобность. Что за классическая викторианская ловушка — потерять или отбросить метафизические основы веры, сохранив при этом привязанность к правилам, ожиданиям и ограничениям старых идей! Что за двусмысленность! Что за бардак!

Ницше довершил этот «некролог», написав в 1882 году в своей книге *«Die Fröhliche Wissenschaft»* («Веселая наука») буквально следующее:

«Бог мертв. Бог остается мертвым. И мы убили его. Чем можем мы утешить себя, убийцы из убийц? Самое святое и могущественное из всего, что было в мире, истекло кровью под нашими ножами: кто смочит с нас эту кровь? Какой водой очистимся? Какие праздники искупления, какие священные игры нам придется изобрести? Не слишком ли велико для нас величие этого дела? Не должны ли мы сами стать богами просто для того, чтобы казаться достойными его?»⁴

Если человек противостоит чему-то большему, чем собственное эго, он вынужден расти вопреки стремлению к легкости, предсказуемости и контролю.

Еще в 1860-х годах Федор Достоевский отмечал, что в отсутствие Бога возможно все — все, что угодно. И вот мы, дети своих вдумчивых предков, взяли на себя силы богов, расщепили атом и выпустили джина из бутылки. И в результате, как тонко подметил в своем стихотворении «1919» Уильям Батлер Йейтс:

И вдруг — драконы снов
среди бела дня воскресли⁵.

СТАРЫЕ БОГИ, НОВЫЕ ИМЕНА

Несколько десятилетий назад в моей собственной жизни произошло своеобразное пересечение исторических событий и личного кризиса. В 1970-х годах на лекции в Цюрихе я услышал следующие слова, написанные Юнгом. И это изменило мою жизнь:

«Мы думаем, что можем себя поздравить с тем, что уже достигли вершины ясности и оставили далеко позади всех призрачных богов. Но мы оставили позади только словесные нагромождения, а вовсе не психические факты, которые послужили причиной рождения богов. Мы по-прежнему так же одержимы автономным психическим содержанием, как если бы оно воплощало олимпийских богов. Сегодня мы называем такое содержание фобией, навязчивым состоянием и т.д. — то есть невротическими симптомами. Боги превратились в болезни. Зевс больше не владыка Олимпа, а солнечное сплетение, он представляет собой интересный материал для врача или поселяет расстройства в мозгах политиков или журналистов, которые неосознанно разносят по миру психические эпидемии»⁶.

Эти слова одновременно потрясли меня и помогли разобраться в собственных заблуждениях. В конечном счете, они помогли мне пересмотреть — возможно, даже вылечить — разрыв между моими религиозными убеждениями и моей эмоциональной реальностью, раскол, который причинил мне немало страданий своей кажущейся неразрешимостью. Погружение в смысл данных слов Юнга привело меня к написанию диссертации в Институте Юнга, а также книги «*В поисках божественной обители: Роль мифа в современной жизни*». И перед тем как приступить к исследованию вопроса, насколько данное изречение применимо к каждому из нас, давайте попробуем разобраться в тех основополагающих идеях, которые оно способно предложить нам в тот момент, когда мы пытаемся заменить наши прежние планы на новые.

Во-первых, мы должны признаться в склонности считать, что миф — это религии других людей, а не моя; моя же является истиной! Одно из самых глубоких убеждений человека заключается в том, что наша движимая собственными комплексами «рациональность» способна к рассудительности, постижению истины, в которой другим отказано. Вот почему за нашим примитивизмом мы не видим всей иронии того, что наше собственное историческое снисходительное отношение к чужим верованиям как к мифам будет когда-нибудь с таким же снисхождением воспринято теми, кто придет нам на смену.

Во-вторых, мы должны признать, что мы соприкасаемся с «богом» всякий раз, когда наши мысли заняты Абсолютно Другим, тем, кто является *трансцендентным* нашему пониманию реальности, воспринимаемому через призму собственного эго. Это *Первофеномен* — то, что представляется нам причинным, первостепенным, не обусловленным чем-то иным и не познанным по сути своей.

Эго, с другой стороны, всегда привязано к *эпифеноменальным*, или вторичным, образам, которые возникают в результате соприкосновения именно с другим, а не с энергией,

которая феноменологически породила этот образ. Наше эго стремится к предсказуемым, поддающимся пониманию и управляемым вещам, вот почему его так притягивает сам образ, а не существующая сама по себе, невидимая энергия, наполняющая осязаемые образы сверхъестественностью. Да, было время, когда божество по имени Зевс было заряжено этой светящейся энергией, но сегодня он представляет собой всего лишь *концепцию*, не способную вдохновить ни сердце, ни разум. Тем не менее наше эго нередко попадет в ловушку буквализма, сопоставляя имя *Зевса* с той энергией, которая когда-то его оживляла.

Западная и восточная философия, а также психология и неврология сходятся во мнении, что человек не способен обладать непосредственными знаниями о каких-либо явлениях, он может иметь лишь *субъективное* представление о них. Вот почему метафизическая теология — религия — неизбежно заменяется феноменологией, глубинной психологией и их субъективными описаниями нашего внутреннего опыта.

Это заставляет меня вспомнить о клиенте, который никак не мог разобраться в своем понимании духовности. Ему снилось, что он разговаривал с группой людей. Он пытался объяснить им, насколько важно осознавать, что свет — это не сам сосуд, а скорее энергия, которая этот сосуд освещает. Во сне он ощущал непонимание этих людей и сильное сопротивление его мыслям, но я объяснил ему, что его подсознание рассуждало абсолютно правильно. *Свет — это энергия*, а не лампочка. Лампочки перегорают, но энергия не исчезает, а лишь ждет своего момента, чтобы перейти в новую лампочку на неопределенный промежуток времени. Его детские представления, навязанные ему, возможно, из самых лучших побуждений, больше не несли в себе заряд энергии. Он чувствовал себя виноватым за то, что больше не мог соглашаться с прежними понятиями, хотя никто не будет никогда хранить у себя дома кучу перегоревших лам-

почек. И все же мы поступаем так, когда речь заходит о старых, выгоревших концепциях и исчерпавших себя понятиях. В такой ситуации наша основная цель должна заключаться в том, чтобы понять, куда ушла от нас энергия, и проследить ее путь до той точки, где она находится сейчас.

Таким образом, сияющая команда с Олимпа не умерла. Она переселилась в другое место путем перемещения энергий, оставив нам оболочку своего присутствия. Учитывая юнговское определение невроза как *отрицания или подавления Бога*, мы все еще находимся во власти тех энергий, которые когда-то находили свое воплощение в сияющих образах обитателей Олимпа. Вместо того чтобы говорить, что мы одержимы Афродитой или покинуты ей, мы предпочитаем купить книгу самопомощи при любовных расстройствах и найти в ней пять простых способов для исцеления.

Как отмечал Юнг, наши предки верили в богов, мы верим в витамины — и те, и другие невидимы.

Вместо того чтобы признать, что мы находимся в плену безумного Ареса, мы ощущаем внутри себя обжигающее пламя праведного гнева, ища в нем оправдание собственному праву ударить своего соседа. И так далее. Мы можем думать, что оставили всех этих античных персонажей далеко позади, но мы остаемся во власти тех вневременных энергий, которые они когда-то олицетворяли. Как отмечал Юнг, наши предки верили в богов, мы верим в витамины — и те, и другие невидимы.

На личностном уровне подобное смещение энергии причиняет нам страдание, проявляясь в виде неврозов. В эпоху материального изобилия мы страдаем от сдвига энергии, произошедшего в глубинных недрах нашего существа, и, в свою очередь, остаемся один на один с пустотой, отчужденностью, бесцельностью — всеми болезнями души. В то время как большинство терапевтов обращаются к проблемам поведения, мыслительных процессов и биологии, не

будет ли разумнее спросить, куда сместилась столь нужная нам энергия?

На коллективном уровне панацеей против отсутствия духовных, доверительных отношений с богами является материализм, гедонизм, нарциссизм и национализм, а также тоска по миру, который никогда не существовал. Наши современные *Одиссеи* способны лишь на путешествие до ближайшего магазина или аптеки, в крайнем случае они могут отправиться в плавание по бурным водам *Алиэкспресс*. Слепо верящие исключительно во всезнающий *Гугл*, мы не перестаем удивляться, почему мы так рассеянны, настолько потеряны и почему порой просто плывем по течению. Мы можем сказать, что эти светские суррогаты, эти -измы составляют сегодня наши главные ценности, нашу фактическую религию, в которую мы вкладываем всю свою энергию. Но мы должны задать очевидный вопрос: *насколько хорошо это все работает для нас?* И с какими трансцендентными сферами это нас связывает? Существует ли более эффективный, менее разрушительный план лечения нашего недуга?

Американский поэт Арчибальд Маклиш кратко выразил это в своем стихотворении «*Лицемерный автор*»:

Метафор смерть приводит к смерти мира...
Он погибает, когда образы, пусть еще видимые,
Уже не значат больше ничего⁷.

2

Жизнь между мирами

Любая неуверенность касательно образа Бога вызывает глубокое сомнение относительно Самости, и данный вопрос обычно игнорируется из-за его болезненности. Но это не означает, что он остается незадачным на уровне подсознания.

Более того, ответом на него являются такие взгляды и убеждения, как материализм, атеизм и прочие замещающие идеи, которые распространяются подобно эпидемиям.

К. Г. Юнг

Итак, где же мы находимся *сегодня*? Что-то закончилось! Мы находимся между метафорами, которые мобилизуют наши ресурсы, которые дают нам ощущение цели, направления и импульса. Для большинства стран мира кризисы нашего времени уже давно не являются теми кризисами, что некогда тревожили и уничтожали наших предков. Сегодня потери и разрушения, провоцируемые голодом или болезнями, в значительной степени удалось сократить в большинстве уголков света. Сегодня они воспринимаются уже не как гнев богов, а как управляемые проблемы, *если* только мы проявляем достаточно мудрости и дисциплины в нашем подходе к их решению.

Во времена Данте земная жизнь воспринималась как преддверие к реальной жизни, что позволяло найти в себе мужество пережить все те ужасные условия, которые были уделом большинства людей. Правители считались божественными ставленниками, и любая атака или нападение на них считалось нападением на Божественную силу, то есть двойным преступлением. Сегодня большинство из нас уже не верят, что мы здесь для того, чтобы служить монарху или божьим представителям на земле. Скорее, они здесь для того, чтобы служить нам, чтобы сделать условия жизни более подходящими для нашей величайшей вымышленной цели — неизменного *Счастья*! И поскольку нас перестало интересовать вознаграждение в загробной жизни, то бремя решения этой задачи легло на плечи современного государства. В дополнение к обеспечению безопасности современные правительства должны обеспечивать условия для счастья своих граждан. И все же, как писал Александр Солженицын: «Сколько времени потребуется, чтобы понять, что жизнь общества не может быть сведена к политике или полностью охвачена правительством? Наш век — всего лишь тонкий слой на поверхности времени»¹.

Что приходит на смену прежнему порядку, прежним богам, прежним убеждениям? Во-первых, мы наблюдаем масштабное развитие культуры долголетия, здоровья и даже фантазии (возможно, иллюзии) о поддержании жизни за пределами природных возможностей. В том, что касается здоровья и продолжительности жизни, мы действительно достигли удивительных результатов. В классическую эпоху продолжительность жизни составляла в среднем двадцать с лишним лет. В Северной Америке в 1900 году этот показатель равнялся сорока семи годам. В современном западном мире он приближается к восьмидесяти годам, что является ошеломляющим скачком за относительно короткий период. Более того, учитывая популярную фантазию о счастье как о главной цели в жизни, мы, несомненно, в скором време-

ни должны научиться жить еще дольше, чтобы насладиться в полной мере счастьем, являющимся некогда уделом исключительно бессмертных. Итак, *насколько мы счастливы?* Как говорит один персонаж пьесы Сэмюэля Беккета «*В ожидании Годо*» другому: «Мы довольны. (Молчание). Что же нам теперь делать, раз мы довольны?»² (Вопросу должна предшествовать очень долгая пауза в диалоге, настолько длинная, чтобы присутствующая публика начала испытывать беспокойство.)

Теперь, когда мы достигли счастья на уровне богов, что же нам делать с этим? Конечно, мы должны сделать что-то, а потом сделать это еще раз. Чем заполнить часы нашего существования, пока за нами не придет старуха с косой? Ведь если мы будем чем-то заняты, то наверняка избавимся от беспокойства, не так ли?

Всем нам знакомо чувство удовлетворения от покупок, это моментальное отвлечение от связи с «другим», которое некоторым — а на самом деле многим — дарит иллюзию связи с чем-то важным. Просто посмотрите на это безумие Черной пятницы, столь радостно транслируемое телевизионными каналами каждый год в период сезонных распродаж. Эти полные вожеления лица, словно сошедшие с картин Иеронима Босха и Брейгеля Старшего, предвкушение, неистовый порыв, расталкивание стоящих рядом людей, блаженство на уровне оргазма, когда выходишь, держа в руках телевизор с плоским экраном. Перенесись мы на пару недель вперед, сможем ли мы ответить на вопрос, сколько людей нашли утешение своим печалям в этом электронном предмете и сколько из них так и остались наедине со своей болью, тревогой и потерями, несмотря на пережитые сражения в очереди и столь долгожданную покупку? Я не критикую подобные вещи, так как сам грешен. Скорее, я сочувствую печальному разочарованию, которое неизбежно возникает, когда мы ждем от другого, будь то человек или вещь, больше, чем он может дать. Что же тогда? Куда дальше?